

Ветер трепал светлые волосы, потемневшие к сорока восьми годам. Последний из джедаев сидел на краю обрыва в позе дзен, пытаясь закрыть глаза и как следует помедитировать, но с таким же успехом он мог пытаться остановить волну голыми руками. Пэйн и негативные эмоции проносились в его голове и сковывали сердце. Хотя он все еще сохранял способность подключаться к Силе, ни одна его часть не хотела идти на ее зов. Он боялся не тьмы или зла, а стыда и вины.

Стыд за то, что его надежды и обещания оказались лишь пеплом.

Вина за то, что он подвел свою сестру. Он верил, что ее сын станет первым рыцарем-джедаем нового ордена.

Стыд за то, что он не смог предотвратить заражение тем же высокомерием, которое стало причиной гибели джедаев.

Он не мог посмотреть в лицо Лее, Хэну, Чубакке или кому-то из тех, кого любил и о ком заботился. Он не мог смотреть в глаза самому себе.

Ощущая тепло далекого солнца и вдыхая соленые брызги разбивающихся о берег волн, Люк вдруг перестал заботиться о том, жив он или мертв. Такие понятия были несущественны. Земля под ним могла прогнуться и позволить ему бесславно погибнуть. Он был настолько безразличен к собственной теоретической гибели, что черная яма отчаяния начала бурлить другим видом отрицательных эмоций: негодованием. Его разум начал возвращаться дальше, к юным дням джедая, борца за свободу повстанцев, к самому рассвету его существования на Татуине. Но нет, это было недостаточно далеко. В конце концов, борьба началась не с Империи и Альянса, она была лишь побочным продуктом гораздо более грандиозного замысла, конфликта, который произошел гораздо раньше. В памяти всплывали истории о Войнах клонов, о Канцлере, о котором никто не знал, что он тайно подстерегает, чтобы захватить власть над галактикой, и о рыцаре-джедае, так влюбленном, так страстном, что его сбила с пути та, кого ему суждено было уничтожить.

Тысячи голосов были уничтожены одним предательством, и все это - взмахом лазурного клинка, сжатием руки вокруг нежного, разбитого сердца. В кратчайшие мгновения сила потянулась к нему, вновь соединяя его с собой, и перед ним промелькнуло видение человека в черном механическом костюме.

Ты не знаешь силы темной стороны!

Голубые глаза Люка распахнулись, и он испуганно вздохнул. Опустив взгляд на руки, он увидел, что они дрожат от отчаяния и страха. Как он ни старался, сила не могла отказать своей жертве. Она мучила и напоминала бедняге, какие смертоносные механизмы ответственны за нынешнюю ситуацию. Бесконечное проклятие.

Наконец он не выдержал, напряжение и внутренняя мука накопились до такой степени, что последний из джедаев испустил крик боли и печали, сжимая все еще дрожащие руки в агонии.

«Как бы я хотел, чтобы ничего этого не случилось!» - вскричал он, обращаясь к небесам. «Я хотел бы, чтобы род, носящий мое имя, вообще никогда не существовал!»

Речь, полная ненависти к себе, продолжалась, когда Люк встал и бросил в глубины океана маленький камешек.

«А ведь именно с этого все и началось, не так ли?! С моей семьи, с моего наследия, с наследия моего отца! Человека, который отвернулся от меня и всех, кто был ему дорог, ради собственного эгоизма! И из-за него галактика снова разрывается на части!»

Почти в самом конце его диатрибы, когда горло уже пересохло от крика, в комнате появилось присутствие. Такого он не ощущал уже очень давно...

«Конечно, ты в это не веришь».

Обернувшись, он увидел призрак своего отца, стоящего перед ним, такого же молодого и красивого, как и прежде. Однако в этих глазах была жалость, когда он оглядывал сына с ног до головы.

«Отец», - прошептал Люк.

«Люк, ты же не думаешь, что можешь обратиться к силе, проклясть мое имя и не ожидать какого-то появления?» В его голосе слышался юмор.

Блондин фыркнул.

«Раньше ты никогда не беспокоился об этом».

«Сила не всегда работает так, как нам кажется наиболее логичным».

Второе фырканье было гораздо громче первого.

«Да ладно. Ты, как никто другой, философствуешь - это самое богатое, что я когда-либо слышал. Если бы ты только носил с собой часть этой мудрости, когда был жив».

Эти слова должны были задеть, и на лице Энакина Скайуокера действительно отразилась печаль, но не от личного оскорбления. Оно отражало более глубокое понимание, которое не дано живым.

«Сын, ты можешь злиться на меня сколько угодно. Но, пожалуйста, пощади себя. Ты - истинная жертва этой тирады».

«Ненависти к себе мне хватит на всю жизнь», - прорычал Люк. «Но я могу дать много тебе, отец. Разве не наш род стал причиной стольких разрушений в галактике, а теперь еще и твой внук, мой племянник? Разве он не принимает темную сторону? Разве не черпает он свое вдохновение в тебе, человеке, в одиночку повинном в гибели ордена, которому он когда-то служил, и его жены?!»

Это было против его здравого смысла и не совсем верно. Энакин не был единственной причиной смерти его матери при родах, но он был причиной многих других несчастий. В том числе и того, в котором он оказался сейчас. Поступки, совершенные давным-давно, все еще сказывались в настоящем. Ему не доставляло удовольствия сознательно причинять боль отцу, но боль была слишком велика, чтобы сдерживаться.

«Люк, никто не жалеет о сделанном мною выборе больше, чем я сам», - печально произнес Энакин.

«Сожаления не возвращают того, что было сделано. Я узнал о том, что ты сделал с Мейсом Винду, и о походе на Храм джедаев», - возразил сын. Затем он упал на колени в знак глубокой скорби. «Я не понимаю. Почему ты это сделал? Почему ты предал джедаев и присоединился к Сидиусу? Что ты хотел получить?»

«Все... и ничего», - ответил призрак, виновато отводя взгляд. «Ты должен понять, что возвышение Империи и падение джедаев не так просты, как ты себе это представляешь. История гораздо сложнее».

<http://tl.rulate.ru/book/120954/5031411>